

-В

алерий, тройная роль братьев-близнецов в "Ширли-мырли" сразу вам предназначалась?

— Нашел меня Владимир Меньшов сразу: ему очень нравился фильм "Катала", где я играл главную роль. Но Владимир Валентинович — человек въедливый.

Он посетил все мои спектакли и в течение года, пока шел подготовительный период, изучал меня со всех сторон. Недоверие к себе я ощущал и в начале съемок, но потом оно сменилось безграничной любовью.

— Трудно было играть трех персонажей?

— Тут ничего сложного нет — мы с Меньшовым сразу договорились, что речь идет о знаковой системе, неизбежной в фарсе. Играть нужно было "одну, но пламенную страсть". Дирижер — тончайшее творческое создание. Уголовник — личность сами понимаете какая. Посложнее с цыганом, который руководит табором и баллотирован в думу. Я настаивал на демагоге типа Жириновского, а играть пришлось просто красивого, мужественного цыгана.

— В вашей судьбе этот фильм что-то изменил?

— Стали узнавать на улице. Раньше-то я в широких кругах известен не был. Рад встрече с таким режиссером, как Меньшов, благодарен ему за доверие. В фильме снимались замечательные актеры — Чурикова, Алентова, Мордюкова, Ефремов, Табаков. И все по сюжету "обслуживали" меня. Какой артист может себе такое позволить? Своей звездностью никто не козырял, клыки и лисьи морды в работе не показывал. Потому они и звезды, что труженики. Единственное, их было так много, что я сам растерялся. И наверное, какие-то сцены сделал бы лучше, если бы не дрожал так.

— Сложностей на вашем актерском пути хватало?

— Я пополнил ряды тех, в кого не верили. И всю жизнь доказываю, что имею право быть артистом. Хотя стать им хотел всегда. Я из простой семьи: мама — "чекистка", чьей в кассе пробивала, отец автобазой завел. Так что посещения театров, симфонических концертов в моем детстве не было. У нас и телевизор-то появился, когда мне лет семь исполнилось. Мы с младшей сестренкой тогда все в дикторов играли: подтаскивали стулья к зеркалу, которое было в дверце шкафа, усаживались, и я по газете новости читал.

Потом много лет поступал во все подряд театральные училища — и до армии, и после. Пока наконец Леонид Абрамович Хаит не взял меня к себе на курс кукольников при Театре Образцова, из которого впоследствии образовался ансамбль "Люди и куклы". Это было замечательное десятилетие в моей жизни, хотя база ансамбля была в Кемерове и приходилось жить там по несколько месяцев. А у меня во время учебы как раз случился роман с моей будущей женой, которая тогда только пришла в педагогическую часть образцового театра. И Катя, как декабристка, ездила ко мне в Кемерово с посылками от родных. Но когда родилась дочка, понял: нужно делать выбор между семьей и студийным братством. Для меня появление Ники было как знак свыше. Знаете, бывают минуты в жизни, когда на тебя словно падает тень предстоящих событий.

Года два был безработным, растил дочь, отодвинул всех теток, бабушек и Катю в том числе. Почти все время жил с дочкой на даче, которую тогда еще было доступно снимать, купал, пеленал, нянчил. И продолжал учиться — очень много читал, поступил в ГИТИС по специальности режиссура эстрадно-массовых представлений. Потом меня принял в труппу Сергей Владимирович Образцов. Но с испытательным сроком: никак не мог простить, что его театру мы предпочли самостоятельную жизнь. Год я висел в воздухе, хотя уже играл Аладдина в "Волшебной лампе Аладдина" и Черта в "Ноевом ковчеге". И тут судьба опять дала шанс: познакомился с Мишей Зонненштралем, артистом Театра сатиры, начали вместе работать над пьесой Мрожека "Контракт", которая стала моим дипломным спектаклем. Опыт наш произвел впечатление на Валентина Николаевича Плучека, меня пригласили в труппу Театра сатиры. И вот уже девять лет я здесь.

— Каково было артистом Театра сатиры?

— Попал сюда, когда театр переживал не лучшие времена, да и до сих пор его шатает. А это болезненно: то пан, то вдруг пропал. Но Плучек каждый раз рискует предлагать мне какие-то совершенно фантастические роли. То Курослепова в "Горячем сердце", где мой партнер — Георгий Павлович Менглет, замечательный артист, который по опыту значительно превосходит меня в весовой категории, то Пичема, короля нищих в "Трехгрошовой опере", которого наше время сделало фигурой очень узнаваемой. Теперь вот Гамлета, хотя к постановке шекспировской трагедии мы то приступаем, то не приступаем: в силу специфики театра эта работа многим кажется спорной. Уж не говорю о

Петруччио в "Укрощении строптивой" — роли, в которой артист просто обязан лидировать и побеждать. Так что я постоянно нахожусь в положении испытуемого, и это великое благо. Ну а сами законы творчества едины — не важно, смешит театр или заставяет плакать.

— Помимо спектаклей Театра сатиры вы участвуете во всевозможных антрепризах. Почему?

— Интересно. В инсценировке "Братьев Карамазовых" у Валеры Саркисова играл Черта. Не мистического, а самого реального, простого, доброго, обаятельного — в этом и весь его ужас. Была потрясающая

— Как у самого с чувством юмора?

— По-разному. Бывает, помогает. Я тут был на фантастическом бомонде у Сережи Шолохова. Его передача по письмам зрителей признала меня за "Ширли-мырли" лучшим артистом года. Мне подарили умопомрачительные запонки с бриллиантами, сделанные в традициях Фаберже, пригласили на празднование пятилетия передачи. Кого я там только не увидел! Артисты, режиссеры, телезнаменитости, политические лидеры... И каждый считал долгом подойти ко мне, обнять, сказать хорошие слова. Это было невыносимо — в течение трех часов испытывать головокружение от успеха; казалось, стены расхотелись, потолки с полами уезжали от меня. И когда я уже глубокой ночью пришел домой, то сказал Кате: "Эта провокация! Они сговорились для того, чтобы я стал себя ценить и любить больше, чем саму жизнь. Но я не поддамся! Катя, быстренько называй все мои пороки!" С ходу мы так ничего и не придумали, мне пришлось уснуть счастливым человеком, обремененным славой и успехом. Зато проснулся вполне нормальным, понял — слава Богу, все это уже позади. И опять нужно бежать на репетицию, опять до-

стве — среда чрезвычайно важная. Не зря Пушкин готов был над ним облиться слезами. А Набоков утверждал, что вымысел — та сторона нашего раздвоенного сознания, где поступки людей значительны, любовь — всерьез и надолго. Для меня вымысел реален, вера в него позволяет вступать в божественное соприкосновение с жизнью.

— И все-таки каково реальное существование актера Гаркалина? Есть ли своя компания, друзья?

— Обожаю компанию. Я нереализованный алкоголик, поэтому очень люблю застолье. В свое время пристрастился к спиртному, это казалось таким хорошим делом. Но понял, что вступаю в опасную стадию: вот-вот перейду границу, за которой начнется необратимый процесс. И уже шесть лет не пью, исключил из своей жизни спиртное. Хватает того, что я трудоголик. Конечно, часто приходится бывать на людях, актерская профессия сама по себе предполагает общение. Но мои друзья — люди творческие, у нас в большом ходу розыгрыши. Саша Балувев, Рома Козак, Игорь Золотовицкий, Саша Феклистов в нашей компании на это большие мастера.

— Артисты, как правило, люди суеверные. А вы?

— Заметил, что, если перед спектаклем испытываю радостное ощущение, все проходит очень плохо. Но, как только прихожу усталый, раздраженный и все выводит из себя, спектакль получается замечательный. А вот на уровне примет не суеверен: по-моему, это просто разновидность игры.

— Как с семейным благосостоянием. Ваша популярность его повысила?

— Ой, это вопрос болезненный для моей жены. Понял, что никогда не смогу зарабатывать своей профессией. Как только начинаю любить в ней деньги, все проекты тут же накрываются. А когда работаешь практически бесплатно, на энтузиазме, это приносит успех и радость. Так что я бедный человек, влачу такой же обрзы жизни, как те, кто сейчас занимается наукой или чем-то схожим. Деньги не идут ко мне! На вопрос, сколько я заработал за "Ширли-мырли", никому не могу ответить, не рискуя вызвать смех и сочувствие. И в сериале "Белые одежды" меньше всех получил, хотя не выходил из кадра. Поэтому и на антрепризы иду: хоть какая-то финансовая поддержка. Ни дачи, ни машины у нас нет. Утешаю себя, что живу через дорогу от театра, а если нужно ехать куда-то на студию, договариваюсь, чтобы доставили.

— А какие жизненные ценности для вас главные?

— Семья, конечно. Если я иногда молюсь перед сном, то обязательно упоминаю Катю и Нику: знаю — это две мои девочки, дороже которых в жизни уже ничего не будет, два существа, за которые я несу ответственность. Но случаются минуты озарения, когда любимое дело становится высшим смыслом жизни. И тогда кажется, что ничего важнее и счастливее на земле быть не может.

— За мизерную зарплату жена не пилит?

— Никогда. Мы уже двадцать лет женаты, срослись, да и брак наш, мне кажется, по воле небес случился. В быту не конфликтую — не из-за чего. А дома люблю заниматься черным трудом: убираю квартиру, постельное белье стираю, глажу. Что касается техники, с этим сложнее, гвоздь, правда, способен забить, но с трудом. Мне лучше женская часть быта удается. Не могу сказать, что горжусь этим. Чего хорошего: мужик — и белье стирает, а как кран потек, приходится мастера вызывать.

— Свободное время как проводите?

— Люблю вообще ничего не делать. Мы с Катей просто обалдеваем от безделья. Я, если два-три дня нет спектаклей, готов совсем из постели не вылезать. И очень обрадовался, когда прочитал у Дрюона, каким мудрым народом были в средние века венецианцы — они не делали вид, что им есть что делать, когда делать было совершенно нечего. Вот и я не делаю вид, чтобы не казаться глупым и непроходимым тупицей.

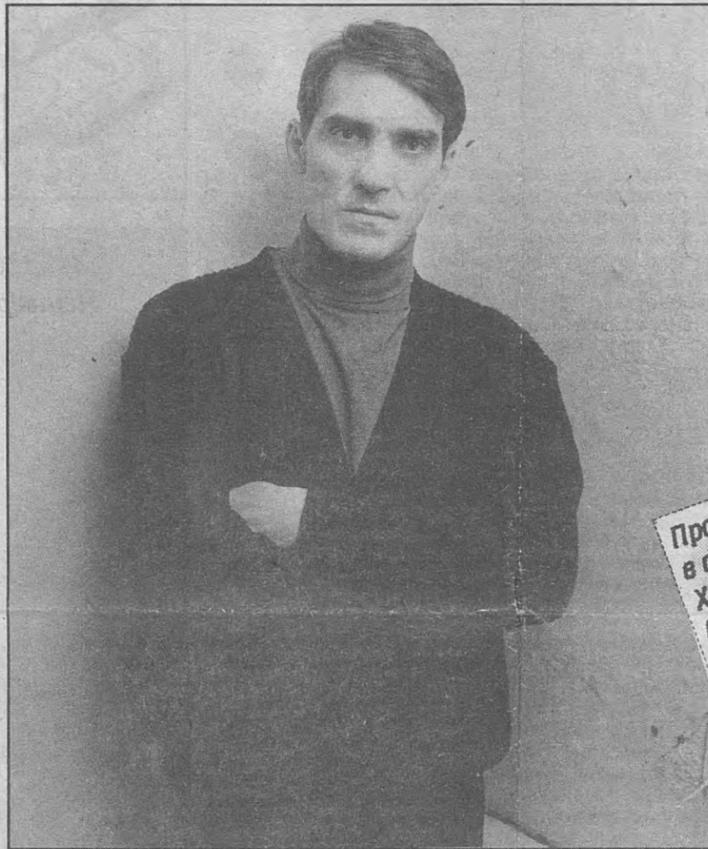
— Дочку назвали Никой в честь богини победы?

— Отчество-то у нее ужасающее — Валерьевна, имя к нему требовалось какое-нибудь короткое. Не всегда же дочка девочкой будет, со временем тетенькой станет, так что мы смотрели вперед. И Никой дочка оказалась в силу этих обстоятельств. Ника, как известно, греческая победительница. Но потом выяснилось, что ее дед, то есть Катин отец Виктор, — римский победитель. А прадед по линии Катинной матери Рафаил — еврейский "победитель". Налицо определенная закономерность, хотя мы о ней не думаем.

— Сами вы по жизни — победитель?

— Надеюсь.

ГАРКАЛИН УЖЕ ПОЛУЧИЛ

Прославило его участие в фильме "Ширли-мырли". Хотя главные роли в кино "Катала", "Роль", телесериале "Белые одежды". А театральная публика приметилла его и вовсе давно. Валерий ГАРКАЛИН — ведущий актер Театра сатиры.

СВОЮ НИКУ

встреча с Романом Козаком, с которым мы еще со времен студенчества дружим. С ним готов пойти на любой эксперимент, у нас полностью совпадают взгляды на мир и творчество. Участвовал в его спектакле "Банан" по Мрожеку, потом была попытка прикоснуться к "Ревизору" Гоголя, но пока она сдвигается во времени. Сейчас участвую вместе с Татьяной Васильевой в антрепризе Наума Брода, работаем над его пьесой "Все, все, все". С Натальей Гундаревой и Арменом Джигарханяном репетируем нашу мемуарную французскую пьесу "Нина". И во МХАТе уже полгода идут репетиции американской пьесы "Губы вместе, зубы врозь", которую ставит Вячеслав Долгачев. Там заняты Татьяна Лаврова, Светлана Брагарник, Борис Щербаков и я.

— Пребывание в Театре сатиры налагает на актера ярлык комедийного. Это не мешает?

— Ощущаю себя таковым с гордостью и радостью. Уверен, что стрелы смеха попадают прямо в сердца. Если ты заставляешь человека смеяться, ты этим располагаешь его к себе. Через смешное я могу говорить о серьезном. Заметьте, все великие люди были немного ироничны по отношению и ко времени, и к себе. Я где-то читал, как Беккет гулял с учеником по парку, посмотрел на небо, деревья в саду и сказал: "Боже, какой замечательный день сегодня!" Ученик, который смотрел великому драматургу в рот и ловил каждое его слово, воскликнул: "О да, и вообще жизнь — удивительная вещь!" На что Беккет ответил: "Ну что вы, так далеко я не загадывал". Человек ведь не может быть постоянно серьезным, он должен иногда смотреть на вещи через призму собственного юмора. И тогда не так страшно видеть жизнь во всем ее ужасе.

казывать, что я не верблюд.

— Считается, что в жизни комики — большие зануды?

— Это неглубокое наблюдение. Еще Сомерсет Мозм писал, что, когда оказываешься в комнате с актрисой, которая тебя не видит, испытываешь чувство одиночества. Но, как только она тебя замечает, тут же начинает заполнять пространство образами. Просто сами с собой артисты не играют, и в этот момент заходить незамеченным — опасная вещь. Вот я сейчас с вами разговариваю и чувствую, что играю умного человека, теоретика. Но, доведись вам увидеть меня в закрытой комнате, наедине с собой, я бы вас пожалел.

Я на "Таганке" репетировал с Николаем Волковым пьесу Набокова "Событие". И мы читали набоковские дневники, слушали последнее его интервью, совершенно удивительное. И там есть про то, как важно чаще обращаться к детству: в той поре можно найти ответы на вопросы, на которые вы во взрослом состоянии никогда не ответите, понять, что вас ждет, когда будете покидать этот мир. По Набокову, в детстве чувство одиночества очень сильно властвует. Замечали, как часто дети печально смотрят на вас, хоть и окружены заботой и любовью? Дети редко выходят из своего мира, но когда это делают, они удивлены и потому печальны. А артисты — те же дети, и келья творческого одиночества им необходима. Не скажу про себя, что я человек замкнутый. Но какая-то дистанция в общении с людьми сохраняется.

— О том, что для артиста жизнь на сцене оказывается реальнее самой реальности, Сомерсет Мозм целый роман написал. Вы с ним согласны?

— Предпочитаю стать на позицию Шекспира, который превращает скудную, неинтересную, полную изъянов реальность в праздничный вымысел. Вымысел в искус-